

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

МОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВЪ СЛУЖБУ.

СКАЗАНИЕ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ 1850 ГОДА. *)

=

Сыну моему Василию.

Извѣстно тебѣ давно мое желаніе, написать для васъ мою жизнь и современниковъ. Я чувствую, въ ней могутъ быть свѣдѣнія, не одному только моему семейству любопытныя. На ней лежатъ притомъ и великій переходъ изъ стараго вѣка. Но ты самъ знаешь, какъ сельскія дѣла занимаютъ все мое время. Тѣмъ намѣреніе мое изъ году въ годъ отдалается. Удастся ли мнѣ какъ-нибудь въ цѣломъ исполнить его, грустно сомнѣваться.

Tempora labuntur, tacitisque senescimus annis,

Et fugiunt, freno non remorante, dies. Ov. Fast. VI, 771.

А въ прошедшемъ году ты просилъ у меня объяснить вамъ родословіе семейства. Я изготовилъ роспись и вѣтви его; надобны по нимъ историческія показанія, и тѣ я началъ; они менѣ сложны; надѣюсь довести ихъ къ своему концу. — При всемъ томъ, я не отстаю отъ убѣжденій, приступить къ первому своему намѣренію; и уже ясно вижу, какъ трудность моего времени встрѣчается съ трудностію изложить въ связи столь многообразные предметы, что едва ли не будетъ свѣтлѣе представить ихъ въ раздѣленіи частями по родамъ.

Въ ожиданіи того, племянникъ, любезный нашъ Михайло Александровичъ, проживъ съ нами осень, уѣхалъ въ Москву съ моими разсказами, и въ письмахъ оттуда ввелъ новое дѣйствующее лице, г-на Погодина, передавъ мнѣ его желаніе, получить свѣдѣнія, что я знаю о Шуваловѣ. Не только пріятно мнѣ, я обязанъ сталъ, и угодить лицу, много почитаемому мною, и говорить о лицѣ, давно знаменитомъ въ отечествѣ и наукахъ. Но я не могу иначе, не могу болѣе говорить о Шуваловѣ, какъ по отношеніямъ къ моей

*) Этою въ высшей степени любопытною и драгоцѣнною статью Редакція обязана старшему воспитаннику Московскаго Университета, бывшему Директору Новгородъ - Сѣверской Гимназіи, Статскому Совѣтнику Пліѣ Федоровичу Тимковскому.

жизни. Это сдѣлалось для меня великою задачею. Я написалъ отвѣтъ мой въ такомъ видѣ, какъ онъ у меня отъ сердца произошелъ, и въ мысляхъ составилъ.

При сочиненіи, — хорошо замѣтилъ Бюффонъ, философъ Творенія, въ академической рѣчи о Слогѣ, — надобно такъ обдумывать предметъ, чтобъ онъ сдѣлался въ умѣ центрально свѣтящею точкою. Для меня сначала вопросъ о Шуваловѣ былъ брошенною въ воду грудю, отъ которой взволновались большіе круги. Но я скоро увидѣлъ, что это есть часть чего-то цѣлаго изъ моей жизни, о которой также предстоятъ вопросы. — Здѣсь я долженъ былъ спрашивать себя: что я? и что привело меня къ Шувалову? Тогда въ моемъ объемѣ мыслей очертился великій кругъ, въ которомъ первая центральность къ сторонѣ сдвинута. Такъ вышло у меня цѣлымъ *Мое опредѣленіе въ службу*.

Въ этомъ отдѣльномъ трудѣ соединились и семейныя ваши требованія отчасти, и желаніе почтеннаго историка. Чѣмъ обязанъ я въ первомъ, тебѣ по принадлежности посылаю списокъ, по обязанности во второмъ, такой же списокъ ему посылаю.

Главнымъ попеченіемъ моимъ было въ немъ совмѣстить факты прямые и прикосновенные, какъ являются предметы на первомъ и второмъ планѣ; я не терялъ изъ виду и способа древнихъ повѣствователей, въ дѣйствіи показаній боковыхъ или косвенныхъ. — Сожалѣю только, что не имѣю довольно досуга выгладить Сказаніе свое, особенно въ чертахъ психологическихъ, чего долго было бы ждать отъ меня. — Впрочемъ, каково ни есть оно, теперь или послѣ, можетъ быть найдется не одна теплая душа, которая въ самой личности его замѣтитъ отраженіе свѣта того вѣка, который такъ быстро становится древнимъ.

1850, Апр. 9.

Слоб. Турановка.

МОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВЪ СЛУЖБУ.

ЧАСТЬ I-я. ПЕРЕЯСЛАВЛЬ.

Геродотъ своимъ книгамъ далъ имена музъ. Я посвящаю мое простое сказаніе Мнемозинѣ.

Forsan et haec olim meminisse juvabit. Aen. I, 737.

1. Я родился въ Переяславль. По прежнему состоянію Малороссіи, до учрежденія изъ нея въ 1782 году трехъ губерній, Кіевской, что нынѣ Полтавская, Черниговской и Новгородской, она раздѣлялась округами на полки, полки дѣлились на сотни. Войсковая старшина ея, чины и должности были: сотенные, полковые, генеральные. Тогда отецъ мой служилъ въ Переяславскомъ полку полковымъ эсауломъ, въ родѣ начальника штаба; и какъ военные чины отправляли вмѣстѣ и гражданскія дѣла, онъ имѣлъ должность полковаго почтмейстера; послѣ переименованъ коллежскимъ ассессоромъ. Мы имѣли въ городѣ свой домъ съ большимъ садомъ, отъ моего прадѣда, но жили по должности за устьемъ Альты на берегу Трубежа, въ домѣ бывшемъ князя Трубецкаго, поступившемъ въ полковое вѣдомство. — Помню то время и все положеніе дому со втораго года жизни, — какъ слышенъ былъ шумъ мельничныхъ колесъ; какъ изъ крѣпости приходили гарнизонные барабанишки, и флейщикъ поглядывалъ бокомъ на мою няню; какъ няня носила меня черезъ садъ въ нашу винокурню, и тамъ выпивала михалокъ; какъ страшилъ меня рыжій глиняный котъ, у котораго вертелась голова съ черными усами, и утѣшалъ краснѣйшій пыльникъ въ лаптяхъ, качаясь на краю стола съ пилюю. — Помню, какъ по близости возили меня

въ лѣсъ и пасѣку, къ берегамъ Днѣпра, урочищамъ Стол-
пяги, гдѣ мой дядя по отцу, Иванъ Назар., а для меня
долго Иванъ великій, занимался въ шалашѣ столярствомъ,
научась ему охотою въ Петербургѣ, на квартирѣ у нѣмца,
и какъ меньшіе два дяди, Андрей и Дамьянъ, учась въ
семинаріи, жаловались моей бабѣ на трудность уроковъ,
гоняли голубей, и пугали меня масками своего издѣлья. —
Въ 1777 году мы переселились въ Золотоношскую сотню
на свое имѣніе. Тамъ отецъ мой служилъ подсудкомъ По-
вѣтоваго суда, потомъ комиссаромъ въ квартирваніи и
переходѣ войскъ, и въ другихъ порученіяхъ, возлагаемыхъ
отъ генераль-губернатора, которымъ былъ фельдмаршалъ,
графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ. — (Я возрасталъ
въ селѣ Деньгахъ при рѣкѣ Кранивнѣ, потомъ въ деревнѣ
при рѣкѣ Згари, на горахъ съ дубовымъ лѣсомъ по яру-
гамъ, на открытыхъ поляхъ, усѣянныхъ высокими курга-
нами, откуда глазъ обнимаетъ по сторонамъ три села,
хутора и стада; на югъ синѣются за 20 верстъ того-боку
Днѣпровскія горы (1); на западъ блестятъ кресты Красно-
горскаго монастыря.)

2. Домашнее обученіе мое было такъ многообразно, что
казалось бы страннымъ, еслибъ не было въ свойствахъ и
способахъ того времени. Четыре года его составляютъ свой
особый вѣкъ.

(Первому чтенію церковно-славянской грамоты заучили меня
въ Деньгахъ мать, и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ
порученіяхъ, изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Отецъ
его былъ Турчинъ, или Булгаръ, вывезенный въ малолѣт-
ствѣ дѣдомъ по взятіи Хотина въ 1739 году. Тотъ же Ан-
дрей носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на
бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго
бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ.
Не безъ того, что ученіе мое, утомаясь на складахъ и тит-
лахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ
ручникомъ къ столу.) Главныя отвлеченія мои были побѣ-
гать въ саду съ набранными погремешками, лазить на де-
рево, или иную высоту, плескаться подъ дождемъ, откуда

приводили хлющемъ (2), или найти любимаго Вана. Татаринъ Иванъ, выходецъ среднихъ лѣтъ, вѣрный домашній скотарь, уродливою рѣчью, но внятно рассказывалъ о горахъ и произведеніяхъ, о бытѣ и происшествіяхъ Крыма, пѣвалъ закатисто татарскія пѣсни, и чудо всѣмъ, какъ скоро и легко ходилъ на высокихъ дыбахъ.

3. Широкая улица, чрезъ все село, проходитъ песками по лѣво рѣки Крапивны. На серединѣ села большой пустырь. Въ концѣ его на право дворъ и домъ нашъ, а за его садомъ новая деревянная церковь Арханг. Михаила; на переднемъ концѣ пустыря влѣво, воротами супротивъ насъ, былъ домъ значковаго товарища Кириака Петрашевича, за которымъ была тетка моя, старшая сестра матери. У нихъ дочь Софья была уже грамотная; по ней вырастали дочь и сынъ Елисей, мой младшій ровесникъ. Имѣлъ и я сестру, старше меня, Татьяну. Но мы обое были еще такого смысла, что во время грозы, въ какое окно увидимъ блескъ молніи, схвативъ по подушкѣ бѣжимъ туда закрыть его, увидимъ въ другое, туда бѣжимъ закрыть, чтобъ она не вскочила въ комнату. По такой близости домовъ мы, двоюродныя дѣти, часто сходились; и по общему совѣту семействъ, (насъ четверыхъ съ весны отдали учиться за десять верстъ въ Золотоношскій женскій монастырь) (3). Монахини его имѣютъ то отличіе, что носятъ высокіе, мужскіе клобуки. Причина неизвѣстна мнѣ; но нѣтъ ли какой изъ того, что, какія помню имена ихъ, они взяты изъ мужскихъ. Или могло быть причиною того и другаго жительство ихъ при мужской пустынь. (У монахини Варсонофії мы составили родъ пенсіона. Она была изъ дворянокъ, уставщицею праваго клироса, высокая, смуглая, суровая, и только свѣше наблюдала за нами. Съ нею жила другая монахиня Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, средняго росту, лѣтъ 28, цвѣтная блондинка, трудолюбивая и веселая, но которую тетка имѣла охоту бранить всенедневно. Та ходила за нами и учила насъ. Въ дѣлѣ своемъ она была крилошанкою, гладко читала проповѣди; и что больше занимало насъ, она въ колокольномъ на столпахъ такъ искусно подъ звонъ выбивала неровными

молоточками въ висящую на двухъ цѣпяхъ, концами къ низу, бронзовую полукруглую доску, скоро, протяжно, сильно, тихо, то поводить, то дробить, — что намъ казалось, она играетъ и поетъ. Мы всякій разъ туда сбѣгались, отъ пріятности смѣялись. Въ области ихъ было двѣ груши, десятокъ вишней и небольшой цвѣтникъ съ пахучими травами, а за ними къ стѣнѣ деревянной ограды на тычкахъ тѣнисто вились коралевый цвѣтъ, крученые паничи и сахарный горохъ. Тамъ, на глазахъ нашей Политы, за шитьемъ и пряжею, мы учились привольно. Родные часто насъ навѣщали, привозя лакомства. Раза два или три и домой брали насъ на дни праздничные. Вся отлучка наша отъ дому продолжалась до осени.)

(4. Въ домъ дяди Киріака появилась дальняя свойственница его изъ Кіева, монахиня Іорданскаго монастыря (4). Она предложила кстати, прожить и заняться тутъ нами. Ей отвели большую комнату на житье и ученье, и насъ четверыхъ отдали ей въ науку чтанья. Сестры притомъ учились шитью гладкому и узорному, бѣлому и цвѣтному, для чего прибавилась и старшая дочь, огнепальная Софья. Анониса была изъ ученицъ Флоровскаго монастыря, лѣтъ 36, ростомъ приземистая, сложенія полного, лица круглаго, какъ рдяный мѣсяцъ, съ мягкимъ и пѣжнымъ голосомъ. Она была очень строга, но къ счастью нашему не всегда. То иногда утромъ и къ вечеру она удалялась по ступенькамъ на чистый и свѣтлый чердакъ дому, и намъ сквозь потолокъ слышны бывали говоръ, плачь и стукъ поклоновъ; а мы тогда имѣли досуги толковать и спорить объ огромныхъ изображеніяхъ на холстѣ: Ноя, благословляющаго сыновей, Адама и Евы въ раю, окруженныхъ звѣрами и пр. То иногда послѣ обѣда, лежа на своей постели, она рассказывала намъ повѣсти библейскія; или, поставя насъ рядомъ, велѣла пѣть съ нею духовные распѣвы, поводя рукою въ такты, пока на томъ засыкала; и мы успѣвали обѣгать предлинный вдоль рѣки садъ, откуда дядя Киріакъ, услышавъ шумъ и трескъ, выгонялъ насъ. Анониса уставила обычай, ходить съ нами въ церковь по субботамъ,

гдѣ сестра Софья передъ обѣдней читала паракласть, а мы били поклоны, и пѣли «аллилуйя».) Она любила притомъ помогать больнымъ по селу; и когда случилось, что на переходѣ Елисея изъ дому въ домъ собака покачала его, но скоро на крикъ оборонили, она выльчила отъ испуга, велѣвъ перевернуть ему рубаху на изнанку и пазухой назадъ, съ чѣмъ онъ ходилъ три дня. (Весною отъ вербоной недѣли оставались при ней однѣ сестры еще нѣсколько, учили Молитвенникъ съ канонами и умудрялись въ шитьѣ.)

5. Дядя отдалъ Елисея учиться версты за три въ Крапивну, въ домъ знакомыхъ. Отецъ мой былъ разборчивѣе; и способствовала самая близость церкви за нашимъ садомъ. (Выставивъ пчелъ, того же дня онъ призвалъ дѣяка, осанистаго пана Василя, съ длинною косою, и меня отвели къ нему въ школу на Часословъ. Сначала водили меня туда и приходили за мною; потомъ и самому мнѣ отдали короткую дорогу. — Въ строеніи близъ церкви двѣ избы съ большими окнами, черезъ большія сѣни, были одна съ перегородкою, жилая дѣяку семейному, другая порожняя, свѣтлая, собственно школа, о трехъ длинныхъ столахъ. Столы составляли родъ классовъ, на букварь, Часословъ и Псалтырь; послѣдніе два съ письмомъ. Школьники потому были мальчики, подростки и взрослые. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ не слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а приученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый Ирмолойный классъ, для церковнаго пѣнія, чтѣ производилось раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дѣяка, а по веснѣ подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. А для вспоможенія себѣ дѣякъ старшимъ надавалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дѣяку по условію, въ мѣръ таксы, за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ, кто когда выспѣсть, было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши покрытый полотнянымъ платкомъ. Дѣякъ съ своимъ обря-

мнѣ сестрѣ платокъ себѣ, кашу разѣдали школьники и разбивали горшокъ палками на пустырь издалика въ мелкіе куски (5). Отецъ угощалъ дьяка. Школьники въ церковныя обиходы составляли хоръ пѣвцовъ, которымъ дьякъ гордился. Они же помогали ему звонить. Лѣтомъ они отпущались то купаться у мельницъ въ рѣкѣ Крапивнѣ и половить рыбы, то изъ лѣсу по горѣ за рѣкою приносить ему орѣхи, калину и груши. Къ праздникамъ онъ давалъ имъ поздравительныя вирши. Школа была всегда многолюдна; потому что ученіе вело по степенямъ службы. Тамъ я училъ Часословъ.)

6. Изъ тѣхъ временъ памятни мнѣ сельскіе обычаи благочестія: 1) на первомъ ударѣ колокола въ субботу къ вечернѣ, мгновенно оставляются всѣ рядовыя работы, рубка, копанье, шитье, и проч.; а въ воскресенье все село нарядно, покоится и гуляетъ. — 2) У обѣдни, послѣ первой ектеніи, къ чтенію «блаженныхъ», четыре избранныхъ старѣйшины становились рядомъ среди церкви, принимали большія очень толстыя свѣчи, и стояли съ горящими до прочтенія Евангелія. — 3) Втеченіи всякаго поста священникъ первые пять дней въ недѣлѣ, два раза въ день, на заутрени и на часахъ, стоя у вратъ лицомъ къ народу, читалъ, и предстоящіе за нимъ говорили: Царю небесный, Трисвятое и Отче нашъ, потомъ въ заутреню псаломъ Помилуй мя Боже, а по девятомъ часѣ Символъ-Вѣры. — 4) Въ храмовый день, ноября 8-го, погодно, гдѣ осень такъ ласкова, сановитый, посылъный казакъ Лазарь, почитаемый зажиточнымъ и въ щетъ пасъки на 500 ульевъ, при выходѣ отъ обѣдни, кланяется громадѣ, панамъ и причту, просить къ себѣ на честь. Гостепріимный Авраамъ, съ тремя сынами, имѣлъ въ сборѣ у себя всю сельскую знать и все село. Все было шумно, весело и чинно. — Но памятна мнѣ и моя дерзкая дерзость. Церковь новая, высокая только что была достроена, и я видѣлъ, какъ мастеръ, при многолюдствѣ, съ крестомъ за плечами вознесся по лѣстницамъ до главы, и поставилъ его на шпиль. Еще оставались лѣстницы въ остатѣ; мальчики пытались лазить по низу; вдругъ нѣтъ за-

видѣла изъ саду, о чемъ послѣ рассказывала, что я на подмосткахъ у главы. Ужась и плачь оковали языкъ, и боялась закричать, чтобъ не испугать меня; но въ глазахъ ея, я оглядѣлъ кругомъ село, а среди его песчаное озеро, и такъ опустился, что она послала за мною. Въмѣсто гнѣва она сдѣлала мнѣ жалостное увѣщаніе (6).

7. Раннею весною явились на дворъ двѣ голубыя киреи. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпитимій. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни, инымъ эпитентамъ случилось, что одно село разомъ ихъ обогащало; иные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадей и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы, что видѣть, слышать и узнать досталось. (Пришельцы наши, одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ, другой блѣлокурый, коренастый, съ косою, поднесли отцу на написанномъ листѣ орацію. Онъ поговорилъ съ ними, просмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки. Задалъ имъ прочитать изъ книги, и пропѣть: Блаженъ мужъ; перваго принялъ моимъ наставникомъ, втораго надѣлилъ чѣмъ-то. Приговорили двора за два, супротивъ церкви, у семейнаго казака о двухъ хатахъ, большую, чистую и свѣтлую подъ квартиру учителя и ученья. Туда прибавились братъ Елисей и сынъ Климовича изъ Крапивны, принятый взаимно у дяди Кириака. Мы сходились туда утромъ и послѣ обѣда. Учитель, на обѣдъ и вечерю, что было близко, къ намъ приходилъ. Панъ Никита, или, какъ отецъ мой звалъ его, панъ филозофъ и просто Никій, былъ лѣтъ 28; ходилъ въ синемъ короткомъ жупанѣ съ краснымъ каламенковымъ поясомъ, съ подстриженными кудрями и нависшими черными усами, училъ насъ cadaго порознь Часослову и Псалтыри, чтенію гражданскому, латинской грамотѣ и письму на бумагѣ.) Мы учились за однимъ столомъ, а больше на дворѣ въ тѣняхъ. Тамъ Климовичъ, съ книгою въ рукахъ, заглядѣвшись на бере-

живым оглобли въ корѣ, — какъ бы желалъ я, сказалъ, чтобъ у меня руки были такъ бѣлы! — Такія руки, я возразилъ, развѣ были бѣ только у царицы. Мы долго судили о томъ, и вывеши по опытамъ, что такія бывають только отъ морозу. — Для письма учитель давалъ намъ прописи своей руки и строчилъ листы оттискомъ линеекъ по заготовленной картонной бумагѣ, прошитой тонкими струнами. Въ церкви онъ занималъ съ нами лѣвый клиросъ, и бралъ иногда на себя часть пѣнія. Къ праздникамъ для своихъ поздравленій готовилъ расписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, разной величины, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ мягкаго дерева углемъ, сквозь жидкое плотно, и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушовкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія ораціи. Въ преімахъ и поступкахъ онъ имѣлъ нѣчто даровитое.)

8. Отецъ мой былъ среднихъ лѣтъ, крѣпкихъ силъ, и горячаго, но гибкаго нрава. Онъ любилъ чтеніе и помнилъ свою латынь. Въ малыхъ отъѣздахъ онъ часто биралъ меня съ собою, и дорогою имѣлъ досуги рассказывать мнѣ что-либо на мои разспросы, или натверживать латинскія слова. Утѣшался, когда я, указывая на предметы, называлъ ихъ по-латыни, или связывалъ такихъ два, три слова въ начальномъ ихъ видѣ; потому и мое ученіе у Никіи не было для меня дико. — Первыя книги, съ какими новая словесность появилась у насъ, какія сталъ я видѣть у отца, были Курганова Письмовникъ и Флоринова Экономія съ картинами, привезенныя изъ Петербурга дядею Иваномъ. Также исторія о разореніи Трои и анекдоты подъ именемъ Смѣющійся Демокритъ, вывезенныя дядею по матери Платономъ изъ Глухова, по его службѣ въ коллегіи. Прибавились, не знаю какъ, древняя Ролленова исторія, Золотые Часы Марка Аврелія и Эпиктетовъ Энхиридіонъ. Изъ нихъ я учился читать, а послѣ нѣкоторыхъ мѣстами читалъ отцу и матери. Но Письмовникъ имѣлъ у насъ и другую роль. — Отецъ мой любилъ пѣніе. Сколько разъ слышалъ я, какъ онъ, увидѣвъ новый мѣсяцъ, пѣлъ

вдохновенно: Небеснаго круга верхотворче! Сколько разъ въ дорогъ, или выходя съ нами, дѣтьми, въ поле, съ умиле-ніемъ повторялъ онъ себѣ въ видѣ аріи: Житейское море, воздвигаемое. И потому я часто внималъ, какъ философъ Никита, по призыву отца, стоя твердо у дверей, голосомъ перваго баса, свободно и весело распѣвалъ пѣсни Курганова Письмовника, ore rotundo.)

Надобно было доброму Никитѣ по своему сроку оставить насъ, мѣсяца два не доживъ года, и домашнею причиною разстроиться нашей партіи. Въ Деньгахъ мы жили временно, частию потому, что въ деревнѣ на Згари собственно производились вновь постройка и обзаведеніе дому, частию по завѣщанію бабки моей по матери. Оставивъ Кіевъ, она жила наконецъ близъ дочерей на имѣніи въ Деньгахъ. Имѣніе и домъ поручены были ею при смерти на попеченіе отцу, принадлежа по ней единственному сыну Платону, который, тогда же оставивъ ученіе въ Кіевѣ, служилъ, какъ выше сказано, въ малороссійской коллегіи. Раза два прѣзжалъ онъ изъ Глухова съ ружьемъ и флейтою, съ Берёзою и Оедькой, не хитрымъ мастеромъ на фокусы, какихъ наглядѣлся въ Глуховѣ; а когда упразднена коллегія, и мы до того уже выѣхали въ деревню, то онъ вовсе осѣлся на имѣніи, и скоро женился въ Крапивнѣ. — Деревня Згарская отъ Денѣгъ только въ 8, и отъ Золотоноши въ 7 верстахъ. Новый домъ въ ней поставленъ на выгнутой горѣ, усяянной мелкими разныхъ цвѣтовъ камешками, къ западу надъ рѣкою и луговою далью, на югъ примыкая къ лѣсу съ видомъ черезъ прудъ на другую по рѣкѣ гору. Все устройство дому совершалось попеченіемъ дяди Ивана Н. Онъ остался жить съ нами, и по частымъ отлучкамъ отца принималъ на себя весь хозяйственный порядокъ. На лѣто избралъ себѣ и своему столярству, по прежней охотѣ, пребываніе въ пасѣкѣ; и пасѣка, по его усмотрѣнію, перенесена въ другой уголь лѣсу, ближе къ дому и полямъ. Въ ней водруженъ имъ кленовый чистой его работы крестъ. При ней устроенъ раздѣленный на двое просторный шалаши. Туда лѣтомъ я приходилъ къ нему учиться чтенію и письму. Въ письмѣ про-

писью моею были руки его Тропари и Кондаки, а къ нимъ и азбука латинская. — Тогда же было довольно мѣста и досуга развернуться моимъ дѣтскимъ забавамъ, играмъ, бѣганью, купанью и крикамъ для эхо, править конями взапуски на длинныхъ хмелиныхъ жилахъ, и вдругъ по латинской Геллертовой грамматикѣ вычитывать и пророчить бабамъ всякій вздоръ, о чемъ хотѣли; любимымъ было и лазить на казистые дубы, или самую запутанную грушу по лѣсу, не за гнѣздами, нѣтъ, я гонялъ всякаго мальчика, у котораго видѣлъ птичку въ рукахъ, но изъ одного удовольствія трудностей и высоты; часто приходилъ я домой изодранный и ободранный. За то я доволенъ былъ своимъ искусствомъ, доставая въ саду себѣ и сестрѣ самыя лучшія вишни и яблоки на верху деревъ. Тамъ же и на бакшѣ въ полѣ рѣшались задачи самому себѣ, сколько чего я съѣсть могу. Не праздна была и зима, когда зазывали далеко гололедъ и скользочки; иногда прятали мою обувь, такъ годились украдкою подвязанныя по теплему чулку материны туфли; загоняли домой обмерзлые пальцы.

10. Впрочемъ то были одни промежутки моего ученія, когда дядя или отпускалъ меня, или самъ бывалъ въ отлучкахъ, и онъ даже глядѣлъ на нихъ безъ тягости. Онъ любилъ меня постоянно, сколько помню, съ тѣхъ поръ, какъ игралъ еще мною, нося на рукахъ. Иногда онъ при самомъ ученіи занималъ меня разсказами подробностей о Кіевѣ, Петербургѣ, корабляхъ и морѣ. На мои разспросы о столярныхъ его работахъ охотно мнѣ толковалъ объ нихъ; и можетъ быть съ того времени я предпочтительно сталъ любить столярство, въ которомъ такъ много эстетической математики, о которомъ впоследствии былъ я обрадованъ громкою похвалою его у Руссо въ Эмиль. — По праздникамъ читая Новый Завѣтъ, изъ него мнѣ онъ мѣстами пересказывалъ; весело и далеко я встрѣчалъ его, когда онъ являлся по горѣ за рѣкою, возвращаясь отъ обѣдни изъ Красногорскаго монастыря. — Я вѣялъ себѣ въ награду, если онъ бралъ меня когда на охоту съ ружьемъ по заливамъ рѣки, и чаще вечерами на ловлю перещелокъ въ полѣ, или зимою

куропатокъ у вѣтранныхъ мельницъ припадою. — Но здѣсь, гдѣ Шостка представляетъ мнѣ берега Огію, забуду ли тебя, рѣзвотекущій Днѣпръ, который поилъ, питалъ и носилъ меня въ дѣтствѣ на водахъ своихъ? Отъ Днѣпровскихъ луговъ за Дубинкою, съ утренними ихъ видами на Черкасы и горы у Черкасъ, съ обильными ихъ озерами, круглыми и длинными, съ ихъ тѣнями и Мамврійскимъ дубомъ, куда мы въ сѣнокосъ отправлялись къ дядѣ, на тучную роскошь, какая готовилась у куруней съ кораллами раковъ, куда съ весны завезенное стадо гусей съ выведенными птенцами, позднюю осенью само прилетало домой и садилось на дворъ, цѣлое, взрослое и откормленное, отъ тѣхъ Тиверіадскихъ временъ мнѣ нравилась особенно рыбная ловля. Теперь Шостка ею меня увеселяетъ, въ разныхъ видахъ, лѣтомъ и зимою.

11. Послѣ ревизской переписи 1764 года, произведена къ 1782 новая народная перепись. Тогда же наступило учрежденіе Малороссійскихъ губерній. Изъ полковъ, назначенныхъ въ составъ губерній Кіевской, чины бывшаго правленія созданы въ Кіевѣ къ ея открытію. Предположено, чтобъ изъ нихъ самые дѣловые и достаточные опредѣлены были на мѣста. Такъ переяславскій вельможный полковникъ Иваненко поступилъ председателемъ палаты. Оболенскій, владѣлецъ въ семь тысячъ душъ, сталъ совѣстнымъ судьей. Замѣтимъ, что онъ боялся льдовъ на рѣкахъ, и зимою, подѣхавъ къ Днѣпру, выходилъ изъ кареты и переѣзжалъ длиннымъ цугомъ по льду въ лодкѣ. — Тогда и отецъ мой, отправившись въ Кіевъ, возвратился избранный засѣдателемъ уѣзднаго суда въ Золотоношу. Онъ явился въ другой переѣздъ. Подѣхалъ въ черкескѣ съ подобритымъ чубомъ, шапкою и саблею, пріѣхалъ въ сюртукъ и камзолъ, съ запущенной косою, мундиромъ, шляпой и шпагой. »То таки бывало выидеть,« говорили межъ собой люди, »а-бо на коня сядетъ, уже панъ, «какъ панъ; а теперь а-бы-что, нѣмецъ не нѣмецъ, такъ «себѣ подципаный.» И я помню эту крѣпкую вольную героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ. Было слово и о моемъ благородствѣ, не передѣть ли

меня? Отецъ разсудилъ оставить года на два въ черкескѣ, стрѣлянымъ въ кружокъ. — По близкому разстоянію, онъ заѣхалъ въ свои присутствія изъ дому; но для случаевъ занялъ квартиру въ городѣ. — Тамъ Кононовичъ, по новому стряпчій, имѣя свой большой домъ, жилъ въ немъ съ семействомъ, и для двухъ сыновей имѣлъ учителя, молодого, степеннаго семинариста. Туда же ходилъ изъ дому и мой родственникъ, по дѣду Тоцкому, Иванъ Леонтовичъ. Туда поступилъ и я; для чего проживалъ на квартирѣ отца съ нимъ и безъ него; а по утрамъ въ субботу на два дня меня брали домой. (Въ ученіе наше достали всѣмъ намъ изъ Базиліанскаго монастыря за Днѣпромъ въ Каневѣ новые латинскіе буквари съ польскимъ. Мы уже учили въ немъ Pater noster наизусть, читали Credo и далѣе; могли даже сами себя разобрать на послѣдней страницѣ буквара стишки:

Розга, духъ свіятый, коси не пршеломіе

А розумъ барзо въ голову выгоніе.)

Мы посмѣялись своей находкѣ; а далѣе произошли у насъ толки; одинъ говорилъ: какіе то люди, что у нихъ умъ не въ головѣ? Другой: видно есть такіе за Днѣпромъ; а у меня умъ въ головѣ, я не боюсь; третій: такъ мнѣ лучше и ума того не надобно. Учитель пришелъ, и шумъ нашъ утихъ. Впрочемъ онъ былъ добръ и снисходителенъ. По вечерамъ онъ водилъ насъ гулять за валомъ по берегу и купаться въ рѣкѣ. Потомъ усѣвшись на валу, разсказывалъ намъ любопытности и много чудесъ о магіи Твардовскаго. Тамъ мы выслушивали его напѣвы по гласамъ; (усладительно) распѣвалъ онъ праздничные прмосы.)

(12. Великая проблема: какъ многіе послѣдовали совѣтамъ и внушеніямъ графа Румянцова, было предложено и отцу моему, отдать меня въ Кадетскій корпусъ. Онъ и мать, разсудивъ о томъ съ дядею Иваномъ Н., не захотѣли удалить меня въ такихъ лѣтахъ отъ своего дому, родства и попеченія; а о службѣ, говорили, Богъ судитъ. Но имѣя въ виду свое намѣреніе и не желая держать меня дома, онъ согласился дядю Кириака воспитывать вмѣстѣ со мною сына его Елисея. Для того принять въ его домъ учителемъ изъ

сосѣдняго села риторъ семинаріи, прибывшій домой на вакацію, сынъ священника Павелъ Шпаковскій. Зрѣлыхъ лѣтъ, онъ готовился только перейти въ философію, чтобъ заступить мѣсто престарѣлаго отца. Ему поручено, какъ говорилось, заправить насъ для ученія классическаго. Занятія наши стали сложнѣе. Утромъ всякій день мы читали ему изъ Псалтыри по каѳизмѣ, каждый свою врядь. Потомъ день было чтеніе и письмо русское, а день латинское. Онъ былъ лѣтъ 30-ти, ходилъ въ длинномъ кафтанѣ съ широкимъ полосатымъ поясомъ, и русую длинную косу всегда носилъ закинутую на лѣвомъ плечѣ. Нрава былъ не просто сухаго и строгаго; но при томъ, что ни говорилъ, или взыскивалъ, все было съ улыбкою на губахъ, и угадать было не можно, когда была она добрая и когда злая. Иногда было ему скучно съ нами; а своихъ занятій никакихъ не имѣлъ. Потому онъ искалъ бесѣды съ дядею Кириакомъ, который былъ по себѣ записнымъ балагуромъ съ картавою рѣчью; а особливо когда заходилъ къ нему, самъ шутливый, дядя Платонъ, нагнувъ шляпу на правое ухо, что у него значило — спокоенъ и веселъ. Тогда и мы имѣли довольно времени на роздыхъ. Впрочемъ успѣхи наши подвигались; и мы къ декабрю начали мороковать въ латинской грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго. — Къ празднику Рождества Шпаковскій написалъ мнѣ и Елисею поздравительныя стихи. Въ моихъ онъ намѣшалъ мифологіи, какъ Плутонъ похищалъ людей, похитилъ Діану, теперь низверженъ въ адъ, ярится Плутонъ. Вытвердивъ хорошо свои стихи, при поздравленіи дяди Платона, я вдругъ заключилъ, что имя въ стихахъ поставлено не правильно и сказать будетъ не прилично; потому громко произнесъ оба раза вмѣсто Плутона — Платонъ. Тетка, молодая жена его, собою красавица, изумилась. Дядя догадался, и только спросилъ меня весело: точно ли такъ написано? Я объяснилъ ему свою вѣжливость. Онъ велѣлъ мнѣ дать лишнюю горсть ореховъ.)

(13. Шпаковскій имѣлъ надобность по своимъ отношеніямъ возвратиться въ Переяславль. Положено и насъ отправить туда съ новаго года; въ началѣ не на долго, для привычки

къ удаленію. — Тамошній домъ нашъ былъ занятъ, и только черезъ полгода могъ быть очищенъ. Потому нанята намъ квартира въ крѣпости, между Михайловскаго монастыря и Успенскаго собора, у соборнаго діакона. Брата Елисея отпустили туда до Крещенья съ Шпаковскимъ; недѣли черезъ двѣ и меня отвезли. Не разъ уже отецъ мой замѣчалъ во мнѣ, что я, какія ни получалъ карманья лакомства, больше раздавалъ ихъ товарищамъ; о томъ замѣчено мнѣ и при отпускѣ. — Въ Переяславль ученье наше было одинаково, и новая жизнь ничѣмъ насъ не тяготила. А за Переяславлемъ въ 15-ти верстахъ по старой Кіевской дорогѣ, берегами Альты, въ селѣ Войтовцахъ жили мои дѣдъ и бабка, имѣя домъ, грунта и покосы на Альтѣ; а на перепутьѣ въ Дамьянцахъ были бабкины родственники, Орнакіе. Потому объ масляной посланъ былъ за мною дѣдомъ дядя Андрей, уже служащій и женатый. Онъ, закутавъ, промчалъ меня прямо по льдамъ въ Войтовцы, гдѣ ожидали меня потомственные ласки. Тамъ оставили меня и отговѣться. На заговѣны нечаянно произошло мое вступленіе въ литературу. Послѣ обѣдни, при выходѣ изъ церкви, дворянинъ того села произнесъ дядѣ Андрею: имѣю честь поздравить васъ съ преддверіемъ поста. Толкнулось тутъ въ дѣтскомъ воображеніи: какое то преддверіе? Гдѣ двери у поста? Какія онъ собою? И всю недѣлю, что увижу дворянина, представляются двери, что вспомню преддверіе, видится фигура высокая, блѣдная, тощая. Я разсказалъ о томъ дѣду; дѣдъ съ дворяниномъ пошутили надо мною. — Пасха была поздняя; потому и постъ былъ теплый; тѣмъ выгоднѣе было и для нашего ученья. Шпаковскій ходилъ въ свой классъ; мы дома твердили свои уроки; и часто большой дворъ нашъ оглашался надъ нами другими голосами. Шпаковскій самъ ходя училъ наизусть свои уроки, и многими днями нѣчто длинное латинское по тетради, что оканчивалось на *rigriga Iuvam*. А діаконъ рослый, голосистый, подъ чистымъ нѣвъсомъ, разбиралъ и протяжно вычитывалъ Евангелія къ будущему служенію. Такъ мы достигли вербой субботы, и видѣли городской парадъ крестнаго хода, какъ вся семинарія отъ

Успенскаго собора проходила съ ваіами и пѣніемъ изъ крѣпости черезъ городъ въ Вознесенскій монастырь.

14. Родители мои постоянно разъ или два въ годъ съ дѣтьми посѣщали Войтовцы; а до моего ученья, меня, бывало, надолго тамъ оставляли. Такъ и въ это время, проѣздомъ туда на страстную недѣлю, они взяли меня съ собою. Тамъ, какъ начался мой постъ словесностію, такъ и окончился новымъ ея подвигомъ. (Мать за пріѣздомъ просила дядю Андрея написать мнѣ поздравительные стихи, такъ, чтобъ я успѣлъ ихъ выучить.) Не знаю, какъ дядя на то былъ понятливъ, но онъ разсудилъ обойтись безъ труда, и могъ подумать, что всякіе стихи, равно стихи, только бы оканчивались поздравленіемъ: чего и вамъ желаю. (Стихи онъ выписалъ, какіе лучшими нашелъ, изъ Риторики Ломонова, и что я крѣпко выучилъ, онъ спокойно выслушалъ.) И вотъ, за освященіемъ пасхъ всего села у церкви, послѣ обѣдни, мы нарядною семьею возвратились домой. На большемъ набранномъ столѣ уставлена многосложная пасха. Дѣдъ и бабка стали у конца стола. Старшіе принесли свои обычныя привѣтствія и выдвинули меня на середину поближе. Я произнесъ громогласно, помавая руками то къ себѣ, то отъ себя, и вверхъ и внизъ, и тѣмъ смѣлѣе, что стихи мнѣ были понятны:

»Лишь только дневный шумъ замолкъ,

Надѣлъ пастушье платье волкъ,

Привѣсилъ къ поясу рожокъ

И крался тихо сквозь лѣсокъ...»

Дѣдъ повелъ бровями, и тихо улыбнулся, отецъ подавилъ свой смѣхъ, мать въ полголоса гнѣвно укоряла дядю, дядя, покраснѣвъ, отступилъ къ печкѣ, бабка умильно боялась, чтобъ я не смѣшался. Но я равно продолжалъ, ставъ чаще и живѣе двигать руками:

»А притчу всю короткимъ толкомъ

Позвольте, господа, сказать:

Кто въ свѣтъ семъ родился волкомъ;

Тому лисицей не бывать.

Чего и вамъ желаю, и съ праздникомъ поздравляю.)

Конецъ произвелъ общій хохоть. Дѣдъ обнялъ меня; бабка только-что не подняла на руки; засмѣялась и мать; отецъ погладилъ мой чубъ; и весь праздникъ, кто бывалъ у насъ, выводили меня съ стихами на потѣху.

15. Послеъ артоса на проводахъ отецъ и мать съ сестрою, возвращаясь домой, оставили меня въ Переяславль. Тамъ еще въ началъ поста прибавился къ намъ товарищъ, который приходилъ учиться съ нами, сынъ гарнизоннаго офицера. Съ нимъ лѣтнее время позволило намъ бывать въ Михайловскомъ монастырѣ, осмотрѣть крѣпость, и за задними ея воротами гулять на берегу Трубежа. Только къ валамъ, уставленнымъ пушками, боялись мы приблизиться. Разъ мы званные обѣдали у его матери, и тамъ читали рукописи уставовъ, какіе хранились за образами. Мы наслушались барабанной зори, и какъ ночами, съ боемъ часовъ на колокольнѣ городского монастыря, обходили по валу часовые оклики. Видѣли и нарядную гарнизонную свадьбу, какъ у гауптвахты шумѣла музыка съ пѣснями, какъ старшій, почтенный комендантъ въ штіблетахъ, сидя на длинной скамьѣ, распоряжалъ офицершами въ танцахъ, и русская пляска съ ужимками смѣшила народъ. — Съ праздника Троицы забрали меня и Елисея по домамъ, однихъ, безъ учителя. — (Въ сентябрѣ же отвезли меня опять въ Переяславль, прибравъ послѣдній разъ въ мундирную черкеску, помѣстивъ въ нашъ домъ съ прислугою и опредѣливъ въ семинарію.)

16. Городъ обведенъ былъ высокимъ полковымъ валомъ съ тремя сквозными башнями, по тремъ вѣздамъ, и заключался крѣпостію на стеченіи Трубежа и Альты. Окружалъ его три предмѣстія: Кіевское вверху отъ одной рѣки до другой, съ большимъ казеннымъ шелковичнымъ садомъ къ Трубежу, другое за Трубежемъ къ степямъ, и третье за Альтою къ Андрушамъ. Церквей было въ немъ, кромѣ собора и монастыря въ крѣпости, городскихъ пять, и Венесенскій монастырь, да двѣ въ послѣднихъ двухъ предмѣстіяхъ и къ первому кладбищная. Монастырь, построенный въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, съ большою кал-

кольною, находится середѣ города, у рынка на пересѣчкѣ главныхъ улицъ. Въ немъ у боковыхъ воротъ, на Кіевскую дорогу, семинарія о шести классахъ, зданіе каменное, едва ли не древнѣе, лицомъ слѣва къ церкви и архіерейскому дому съ садомъ, справа на келліи монаховъ и жилья учителей. Архіерею былъ и загородный домъ, съ большимъ садомъ на лѣто, въ Андрушахъ на Днѣпрѣ, у перевоза къ Терехтемирову (7). Знатнѣйшую іерархію города составляли:

1. Архіерей Иларіонъ Кондратковскій, родомъ изъ мѣстечка Воронежъ, Глуховскаго уѣзда. Былъ армейскимъ капелланомъ, и въ проѣздахъ фельдмаршала графа Румянцева всегда былъ имъ посѣщаемъ. Выбылъ въ 1784 году единственнымъ епископомъ Новгородской епархіи, до упраздненія губерніи.

2. Варлаамъ Шишацкій, игуменъ Михайловскаго монастыря, ректоръ семинаріи, былъ обширной учености, высокихъ дарованій и быстрого слова, въ послѣдствіи архіепископъ могилевскій, въ 1813 году лишенъ сана въ Черниговѣ, жилъ и умеръ монахомъ въ новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ. Большая бібліотека его досталась племяннику изъ-подъ Нѣжина.)

3. Архидіаконъ Христофоръ Сулима, сынъ переяславскаго Полковника Семена Сулимы, служившій въ гусарахъ офицеромъ, въ монашествѣ доучивался Богословіи; въ послѣдствіи архимандритъ гамалѣевскій, глуховскаго уѣзда, и далѣе епископъ таврическій, потомъ харьковскій.

4. Іеромонахъ Платонъ, учитель Философіи и префектъ семинаріи, выбылъ архимандритомъ.

5. Протоіерей Гречка, собственно Гречинъ, по роду изъ Гречковъ, ученѣйшій того времени латинистъ, училъ Богословіи.)

6. Намѣстникъ Домонтовичъ, первый членъ консисторіи, витійственный дѣлецъ.

7. Два учителя, намѣстники приходскихъ церквей, и два учителя изъ кіевскихъ богослововъ.

8. Въ храмовые выѣзды архіерея по городскимъ церквамъ на служеніе, отбирали въ семинаріи четырехъ богослововъ старѣйшихъ, одѣвали въ старинный учѣный нарядъ, широ-

іа тѣлесніа либеріа, обшитыа цвѣтнымъ снуркомъ, съ широкими разрѣзными рукавами и пуговицами до низу, съ черными четверугольными шапками, и давали имъ верховыхъ убранныхъ лошадей. Два парадировали впереди, и два по сторонамъ кареты.

17. Предковскій домъ нашъ, гдѣ жилъ на службѣ прадедъ мой Василій, былъ въ городѣ, лицомъ на торговую площадь. Часть мѣста его отошла подъ широкій пустырь мимо крѣпости, и часть подъ городскую застройку; но все онъ, построясь новымъ, будучи съ частію сада и огорода, имѣлъ для насъ помѣщеніе выгодное, близкое и веселое. Онъ былъ въ смежности съ садомъ Концевича, котораго два сына учились со мною. Ректоръ Варлаамъ опредѣлилъ ко мнѣ домашнимъ наставникомъ философа Ивана Яковскаго, лѣтъ 28, родомъ изъ Голтвы. Умный Яковскій далъ мнѣ порядокъ времени и велъ меня всегда впереди класса. Начнуть ли читать, заговорить—учитель, мнѣ понятно, я знаю. Давались на домъ письменныя упражненія въ переводахъ на латинскій, краткія ехегсисіи, большія оссиратіо, а за праздничныя дни Рождества и Воскресенья требовалась чистая переписка всѣхъ; чего они мнѣ ни стоили, у меня все было сдѣлано, писано, подано. Чтеніе, уроки и отвѣты производились очень громко, почти крикливо и силлабически, чѣмъ въ дѣтяхъ пренебрегать, сто разъ не надобно; я и тѣмъ угождалъ. — Получивъ крѣпкую грудь, легкій языкъ и звонкій голосъ, можетъ быть я обязанъ тому обычаю, что и теперь ими пользуюсь, могу читать знакомую страницу однимъ духомъ далеко и внятно, читать часами неустомимо, и теперь отъ кустовъ моего цвѣтника на дворѣ, черезъ прудъ за рѣку, я даю мои приказы на сѣнокосъ. — Въ классъ перваго года моего давались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ: Laudes; изъ нихъ за вины положена такса учетовъ; кто не имѣлъ числа, тѣ несли свои наказанія. Въ зимніе мѣсяцы я выслужилъ 500 похвалъ; весною много было промотано. Не мало ихъ пошло на большое колодезное колесо; только ступаешь въ немъ, оно подъ ногами вертится. Больше того унесли мячи; эту игру я очень лю-

билъ. Оставалось похвалъ монаховъ близъ половины. Яковскій нашелъ пріятный способъ удержать и поднять меня въ нихъ. По вѣкъ мой съ благодарностію сохраняю память объ немъ. На другой годъ мнѣ все стало легче.

18. Съ ученіемъ соединялась обязанность по воскресеньямъ и праздникамъ собираться въ монастырь на вечерню, заутреню и обѣдню. Каждому классу порознь назначены свои мѣста по сторонамъ въ большой церкви, подъ наблюденіемъ старшаго въ классѣ, который замѣчалъ для учителя отсутствіе, поздній приходъ и нескромности; а позади малыхъ вдали стояли философы. Въ отпавъ были стихеры, которыя пѣлись разомъ всеми классами и оглашали гуломъ церковь. Труднѣйшее было вставать къ заутренѣ на колоколь въ три часа. Помогали тому по городу будильники. — Много было пребѣдныхъ учениковъ, живущихъ въ бурсѣ, изъ которыхъ младшіе классами доставали себѣ и старшимъ пропитаніе, освѣщеніе и другія пособія, расходясь по вечерамъ на пѣніе псалмовъ, а болѣе духовныхъ пѣсней, подъ окнами и на дворахъ, съ горшечками и мѣшечками. Большою и лучшею подачею, изъ сожалѣнія иногда къ своему одноклассному, пользовался въ немъ и вѣрный будильникъ. — Нашимъ былъ бѣднякъ лѣтъ 16-ти, съ пріятнымъ лицомъ и сладкимъ голосомъ, сынъ дьячка, по селу мой сосѣдь. Раза по три въ недѣлю онъ приходилъ къ намъ, и всегда получалъ добрую долю. Имя его было Харитонъ; имя пріятное; но онъ жалобно рассказывалъ, что попъ, сердясь на отца его, нарочно далъ ему имя Харитона въ насмѣшку, чтобъ звали его по народному Харько. Онъ былъ такъ уменъ и усерденъ, что мы его любили.

19. Кромѣ того Семинарія имѣла еще свои обычаи:

1. Какъ во всякомъ селѣ и городѣ сохранялась народная патріархальность, сойдясь или встрѣтись, старшему и старѣйшему поклониться, снятіемъ шапки, такъ и въ семинаріи, хотя всѣ учащіеся равно назывались студентами, но кромѣ общаго уваженія къ почетности, установлено было почтеніе къ высшимъ черезъ классъ, перваго класса къ третьему

и выше, втораго къ четвертому и выше, и проч. А учителя были въ благоговѣніи, какъ полубоги.

2. Праздничныя и именинныя поздравленія отъ всѣхъ классовъ по одному ученику, съ ихъ учителями, приносимыя архіерею и ректору, въ стихахъ и рѣчахъ латинскихъ. Въ томъ и я имѣлъ свою долю.

3. Гулянье по имени рекреція, 1-го мая, или въ первый за тѣмъ ясный день. Для того префектъ отбиралъ утромъ изъ меньшихъ двухъ классовъ до полусотни малолѣтковъ, съ старѣйшими для порядка, приводилъ ихъ къ архіерею въ залу и уставлялъ стройно. За докладомъ при выходѣ владыки съ важностію, всѣ разомъ, восклицали, какъ наставлены: Recreationem, Pater, rogamus. Онъ пройдетъ и ласково пришеутитъ отказомъ. Просьба повторяется. Онъ даетъ благословеніе. Тогда всѣ съ своими запасами и играми выходятъ за городъ на гулянье по берегу Альты. Тамъ составлялись свои общества по классамъ. Больше всего было дѣла мячамъ и кеглямъ въ городкахъ, также борьбѣ и бѣганью. Они имѣли своихъ героевъ, которымъ прочіе дивились, какъ на Олимпійскихъ играхъ; а въ пріютъ по одадь, какъ всѣмъ намъ быть на глазахъ, своимъ весельемъ пируютъ учителя. Тѣмъ открывается начало лѣтнихъ забавъ.

20. Природное нарѣчіе Переяславля занимательно своею мягкостію (8); и въ формахъ его встрѣчаются такія тонкости, которыя, виднѣе, чѣмъ въ Кіевскомъ, можно бы отнести къ нѣкимъ остаткамъ столицы Мономахова вѣка, по крайней мѣрѣ давнему стеченію образованнаго многолюдства. — Видимыхъ памятней древности отъ бывшаго княженія и отъ временъ Хмельницкаго никакихъ въ немъ не осталось, кромѣ двухъ обширныхъ пустырей въ насыпяхъ къ западной сторонѣ вала, и большой каменницы толстаго кирпича съ обломками погребя и длиннымъ подземельемъ, передъ окнами семинаріи черезъ Кіевскую дорогу. Только ближайшая часть пустыря застроена присутственными мѣстами. — Но памятны мнѣ трое свѣчныхъ дверей зданія семинаріи для шести классовъ, изображеніями на нихъ, примѣтно давней живописи. На первой двери двумъ классамъ граммати-

ковъ, мудрецъ съ долотомъ и молоткомъ обтесываетъ пень въ пригожаго подпоясаннаго ученика съ книгами подъ рукой. На второй, питаемъ и риторамъ, колодезь съ воротомъ надъ нимъ о двухъ ушатахъ, одинъ опускается порожній, другой выходитъ такъ полонъ воды, что она струями проливается. На третьей, философамъ и богословамъ, большой размахнувшійся орелъ, далеко оставивъ землю, парить, глядя на солнце. — Тамъ же на опытъ, за трудную рѣдкость, на первомъ году моемъ, призвавши въ библіотеку семинаріи, давали мнѣ читать извѣстное краснописное на пергаментѣ Евангеліе. — Впрочемъ городъ былъ полонъ населенія, хорошихъ фамилійныхъ домовъ, торговыхъ прилавковъ и лавокъ рядами. Изъ оконъ дому, а болѣе проходя ежедневно по два раза площадью и лавками, я наглядѣлся на многія сцены народнаго движенія и довольства, на атлетическія формы занятыхъ и разгульных казаковъ, въ черныхъ высокихъ шапкахъ. Въ первые мои дни, случалось и мнѣ, по моему возрасту, быть на сценѣ. Переходя изъ класса рядомъ молодыхъ торговыхъ съ горами румяныхъ бубликовъ (круглыхъ баранковъ), по новости, я заглядѣлся, и на крики со всѣхъ сторонъ: возьмите вязаночку — возьмите и мою — и мою горячихъ, — я подставилъ полу черкески; онѣ накидали мнѣ три или четыре вязанки; я и пошелъ съ ними, радъ и дивясь городской щедрости. — А грѣши, закричали онѣ, паничу! — У меня нѣтъ грѣшей, отвѣчалъ я простодушно. — Отдайте же бублики назадъ; — и всѣ обобрали свое. Я пошелъ, какъ былъ, спокойно. — Къ памятямъ городскимъ относится и бывшій въ Кіевскомъ предмѣстіи за валомъ, къ Трубежу, обширный шелковичный садъ рослыхъ деревъ, говорили, Елисаветина вѣка, обнесенный заборомъ. Сторожили его гарнизонные солдаты, и при созрѣніи шелковичныхъ ягодъ, по праздникамъ впускали туда, съ платою по грошу, на ѣду безъ выносу (9).

21. Окрестности Переяславля мало пріятны, какъ бываетъ на плоскомъ и обнаженномъ береговомъ пространствѣ, при стеченіи рѣкъ. Его больше можно назвать стратегическимъ, сторожевымъ, что означаетъ самое имя бранной рѣки, мѣстно

называемой Трубайло. Трубежъ былъ тоже некогда, что Риму Тибръ. — Золотоношская дорога оживляетъ много памятней. Трубежъ, до принятія рѣки Альты, обвился около города и крѣпости крутымъ широкимъ изгибомъ въ тростникахъ. За нимъ насупротивъ, между верхнимъ и нижнимъ выездами по длиннымъ плотинамъ, возвышается пригоркомъ большое протяженіе, усыянное шанцами. — Губернская почтовая дорога, черезъ Песчану на Супоѣ, ближе къ Днѣпру, какъ и всѣ почтовые дороги въ Малороссіи, вмѣсто нынѣшнихъ двойныхъ непрерывныхъ рвовъ, имѣла по бокамъ окопанные рвомъ равносторонніе, сажени по три въ боку, треугольники, названные тогда въ народѣ, по подобію солдатскихъ шляпъ, брилями, на разстояніи одинъ отъ другаго до десяти саженой, съ насадкою вербъ по тремъ угламъ. Сплошными же рвами дороги обрѣзаны при генералъ-губернаторѣ князѣ Куракинѣ въ 1803 году. — Другая старая народная дорога, болѣе степная, проходитъ выше черезъ Гелмязовъ, сотенный городъ, на Супоѣ, съ ущельями изрѣдка высокими верстами, которыя называли семисотными. По ней существовалъ привольный, степной обычай проѣзжихъ въ лѣтнее время, не зная, и не любя постоянныхъ дворовъ, останавливаться на покормъ и ночлегъ въ полѣ, гдѣ есть трава и вода, индѣ и лѣсокъ вблизи, что держится еще и донинѣ. — По ней, какъ измѣренія вѣрныя теперь мнѣ не памятны, кажется верстахъ въ семи отъ города, перелегъ *Великій валъ* съ глубокимъ рвомъ, проходящій отъ села Каратуля до Днѣпра, и говорятъ, за Днѣпромъ. За тѣмъ валомъ верстахъ въ трехъ на высотѣ при дорогѣ вправо стоитъ большое глубокое, круглое озеро называемое *Воловое Око*, всегда полное воды, гдѣ и бывають привалы вдушихъ. А отъ вала верстахъ въ десяти также проходитъ другой, *Малый валъ*, вверху соединенный съ первымъ. Это подобіе Троянскому валу защиты Грековъ извѣстно уже во временахъ Половецкихъ XI вѣка по Нестору. — Далѣе на пути краемъ вдоль широкаго и длиннаго раздолья видны на лѣво большія селенія, Полѣги Яненки и Полѣги Вергуны. Противъ нихъ часто проѣзжіе, часто и мы разводили обѣ-

денный, или вечерній, огонь и пускали лошадей на вольный кормъ. Тамъ на ночлегъ, за глухимъ успокоеніемъ дорожныхъ заботъ, входили, бывало, рассказы новаго и повѣсти давняго. Тамъ на коврѣ, укрытый подъ ясными звѣздами, засыпая при угасающемъ огнѣ, еслибъ я былъ постарѣе, могъ бы за Тевкра сказать:

O fortes, peioraque passi!

Cras ingens iterabimus aequor. Ног. I, 7.

22. Приближеніе къ Гелмязову означалось намъ мельканьемъ изъ-за горы мельничныхъ крылъ. Такого множества легкихъ мельницъ я нигдѣ больше не видѣлъ. Его можно приписать частію близости селенія Жерноклевы, гдѣ доставали жерновный камень, получаемый отъ Терехтемирова, частію лучшимъ пивоварнямъ, которыми городъ, нынѣ мѣстечко, Гелмязовъ славился. Винокуреніе вездѣ было самое дробное и безъ откупной его продажи; но въ общемъ употребленіи было пиво, частію хмельное, а болѣе столовое. Оно подавалось на столахъ въ оловянныхъ стопкахъ, въ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ кувшинахъ, легкое и тонкое питье съ сладимою горечью. Квасъ и кислюци по домамъ въ Глуховѣ прежде, а тамъ съ губерніею, за моей памяти, появились и замѣнили пиво. — Въ Гелмязовѣ сотникомъ былъ двоюродный дѣдъ мой по матери. Осипъ Савичъ Тоцкій. Онъ и домъ его, на правомъ берегу Супоя, куда часто меня съ моего младенчества пріѣздомъ и проѣздомъ вводили, сравнительно, сколько я видѣлъ другихъ, остались для меня типомъ сотника. Это былъ не просто богатый, тучный, надутый панъ, но величавый, съ просѣдью, бодрый, шумный, повелительный властелинъ. Графъ Румянцовъ, съ своею, жалованною ему, Ташанью, выше на Супоѣ, былъ въ его сотнѣ, ласкалъ и уважалъ его. Памятны мнѣ широкій, решетчатый, чистый съ пескомъ дворъ его, и у двора особый пріѣзжій домъ для стороннихъ; на дворъ у колодезя большое широкое коло; передъ окнами гуляютъ два журавля, и на всякій стукъ и шумъ, крикомъ дворъ оглашаютъ. Домъ раздѣленъ сѣнями на двое по четыре комнаты съ пристройками. Сквозныя, широкія сѣни, о четырехъ великихъ окнахъ съ передней

и четырехъ съ задней стороны. Это свѣтлая, огромная зала, гдѣ по старинѣ производились судъ и пиры. Изъ того и народныя были поговорки: позванъ передъ великія окна; будетъ тебѣ передъ великими окнами. Тамъ у стѣны на колышкахъ почетно лежали копье и завернутое сотенное знамя. А въ большомъ обильномъ саду, на степное диво, стоятъ шесть ульевъ сосновыхъ стоянами, кромѣ особой пасѣки на Кавраѣ. Въ прислугѣ парадной вертятся отборные казаки, въ домашней пышныя дѣвки. Сотникъ въ штофномъ кафтанѣ съ краснымъ богатымъ погломъ, и досужая сотничка, съ поговорками: мати моя, сестро, дитя мое! радушно принимали гостей. За длиннымъ столомъ, вмѣсто салфетъ, протянуть кругомъ шитый цвѣтами ручникъ. Полякъ Ницкевичъ, панъ поручикъ, былъ ревностнымъ егеремъ стола. Говорливый хозяинъ, съ голосомъ всегда высокимъ, любилъ примѣшивать тексты, прищучивалъ иногда львовскою ученостію, и не отставалъ отъ чтенія, пока глаза служили. Особенно пристрастенъ былъ къ Географіи; часто на газетахъ, или въ разговорахъ, выносили ему Гоминовъ Атласъ.

Примѣанія.

къ Части 1-й.

1. Къ статьѣ 1-й. *Того-боку*, имя усвоенное въ смыслѣ объ-онъ-поль, по ту сторону Днѣпра. Той или тотъ принимается опредѣленно за другой извѣстный.

2. Къ ст. 2-й. Дѣтская пѣсня подѣ дождемъ:

Иди, иди, дождику!

Сварю тебѣ борщику

Въ поливяномъ горщику

Цебромъ, вѣдромъ, дойницею,

Надъ нашею криницею,

Надъ нашею свѣтлицею.

3. Къ ст. 3-й. Отъ Супоя до Сулы горный степной хребетъ спу-скался пологостию на широкое лоно Днѣпра, изрѣзанъ частыми рѣчками. Коврай, Золотоноша, Згарь, Крапивна, Ирилѣй устьяны населеніемъ; и всѣ онѣ почти вездѣ обратно имѣютъ лѣвый, восточный берегъ круто-горный. — Гдѣ рѣка Золотоноша въ дебри окружаетъ пригорокъ, на немъ издавна стоялъ Красногорскій, мужской, деревянный монастырь Преображенія. Бывшій въ немъ изъ рода моего монахомъ, Иркутскій Архіепископъ Софроній Тунальскій, время Императрицы Елисаветы, иждивеніемъ своимъ выстроилъ монастырь каменный и далъ ему большій колоколъ. Городъ Золотоноша заселенъ на той рѣкѣ, гдѣ она, вы-шедъ изъ горныхъ ущелій монастыря, свилась круто по низламъ въ двѣ обратныхъ подковы. На полукругѣ, открытомъ къ востоку, онъ былъ обнесенъ, какъ всѣ другіе города, землянымъ валомъ съ башнями на выѣздахъ. Многіе чины имѣли въ немъ свои хорошіе дома. А въ концѣ города по рѣкѣ, на возвышеніи правой стороны ея, стоитъ женскій Благовѣщенскій монастырь, весь деревянный.

4. Къ ст. 4-й. Могли быть и какія-нибудь домашнія отношенія изъ того, что бабка моя по матери, Терлецкая, овдовѣвши, оставила имѣніе свое, село Шабельники переселилась въ Кіевъ и на Подоль, близъ Іорданскаго монастыря, имѣла свой домъ, гдѣ воспитывала сына и шесть дочерей.

5. Къ ст. 5-й. Мои оправданія: мелю, молоть; мола, молю; мѣлю, мѣлить, мѣль. Сухое и крупное зерно мелко; сырое и мелкое не такъ

мелко; снопь рослый, мѣлкій; прудъ глубокій, мѣлкій. — Мечу, метать, мѣтко; мѣчу, мѣтить, мѣтко. — Также въ сомнѣніи сходство и равенство; въ сумнѣніи сближеніе противоположныхъ: сумракъ, сугробъ, сутиски, судно.

6. Къ ст. 6-й. Изъ сельскихъ преданій, какія въ дѣтствѣ я слышалъ, упомяну одно въ духѣ народной поэзіи. Тѣ мѣста за Поляковъ были владѣнія князя Вишневецкаго. Въ одной изъ веснянокъ дѣвки пѣли двумя хороводами про его бѣгство, во время общаго изгнанія Поляковъ. Черезъ каждые два стиха, пѣтые тѣмъ и другимъ хоромъ, одинъ противъ другаго повторяли припѣвъ съ танцами: выстрибцемъ, выдыбцемъ, Пане Вишневецкій, воеводу Брестскій! Стиховъ ясно не припомню.

7. Къ ст. 16-й. Трехтемировская сотня одна за Днѣпромъ принадлежала Переяславскому полку; и нѣсколько времени дѣдъ мой служилъ въ ней, до похода 1739 года. — А въ 1803 году лѣтомъ, посѣтивъ архіерея Сильвестра, въ Андрушахъ, тамъ нашелъ я Днѣпръ въ великомъ упадкѣ, и мнѣ говорили, онъ становится такъ мѣлокъ, что бабы съ молокомъ по торгамъ въ бродъ переходятъ.

8. Къ ст. 20-й. Къ тому относится, кромѣ общахъ измѣненій, особенно обращеніе звука о въ самое чистое и мягкое и: мой — мій, свой-свій, онъ-винъ, ольха-вильха, конь-княъ, поидеть-пійде.

9. Къ ст. 20-й. Такихъ садовъ я видѣлъ три: 1) въ Переяславлѣ сказанный, 2) въ Кіевѣ на Крещатицѣ между дорогами съ Печерска въ старый Кіевъ и на Подоль, что все нынѣ заселено, былъ то же густой садъ большихъ шелковичныхъ деревъ; но по ветхости и расхищенію забора такъ опустѣлъ и деревьями, что въ 1786 году осенью, къ пріѣзду Императрицы Екатерины, пустырь очищенъ. 3) Въ Константиноградѣ 1803 такой же старый обширный садъ безъ ограды съ остаткомъ свѣжихъ и сухихъ деревъ.

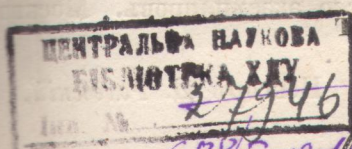
152/641

К
92

МОСКВИТАНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1852.

ТОМЪ V.

1934

МОСКВА.

ВЪ Университетской Типографии.

1852.

59

МОСКВИТЯНИНЪ.

1852.

№ 17.

Сентябрь.

Кн. 1.

М-г БАТМАНОВЪ.

О Ч Е Р К И.

Къ одному почтенному старику многіе обращались за совѣтами: иные рассказывали ему свои несчастія, другіе открывали ему недостатки свои, и всѣмъ онъ охотно давалъ или утѣшеніе или наставленіе. Въ одномъ обществѣ обратился къ нему молодой человѣкъ, и насмѣшливо сказалъ:

— Я имѣю одинъ недостатокъ: изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ я никого не люблю и не уважаю.

— Это ничего, отвѣчалъ старикъ, ваши знакомые тоже васъ не любятъ и вовсе не уважаютъ.

Старинный анекдотъ.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

представляетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ жестоко ведетъ себя съ любимой дамою; сколько эта дама обнаруживаетъ кротости; какіе, иногда, противоположные характеры бываютъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, и, наконецъ, какой тотъ же молодой человѣкъ ведетъ странный разговоръ съ очень милою дѣвицею.

О—е собраніе было въ самомъ разгарѣ: танцовали, ходили, говорили, стояли, — однимъ словомъ, въ главномъ залѣ было очень весело и, отчасти, душно. На хорахъ собранія было тоже весело и чрезвычайно душно. Хоры, какъ, можетъ быть, не безъизвѣстно читателю, составляютъ совершенно отдѣльный міръ отъ общества, находящагося внизу, и даже, питая къ сему послѣднему не совсѣмъ пріязненныя чувствованія, весьма колько отзываются о малодушіи танцующихъ, о жалкой фізіономіи стоящихъ молча, о важ-